

*Малинова О.Ю*

## **К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ДРУГОГО В СИМВОЛИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ: НА ПРИМЕРЕ ССЫЛОК НА США И КНР В РИТОРИКЕ ПРЕЗИДЕНТОВ РФ (2000-2015)<sup>1</sup>**

*В статье представлены результаты исследования практики использования образов США и Китая, проведенного на материале выступлений президентов РФ с 2000 по 2015 г. Целью анализа было выявить и классифицировать основные фреймы репрезентации Американского и Китайского Другого, а также проследить динамику их использования в контексте легитимации политического курса. Анализ показал, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ достаточно активно пользуются в указанном контексте. Автор заключает, что несмотря на очевидное различие оценок (Китайский Другой чаще упоминается в позитивном смысле, чем Американский), образ Китайского Другого почти не несет «экзистенциальной» нагрузки. В его репрезентации активно используется стратегия десекьюритизации. Напротив, Американский Другой, несмотря на то, что он часто представляется с негативной оценкой и в качестве угрозы Нашей безопасности, сохраняет значительный «экзистенциальный» потенциал.*

**Ключевые слова:** *Значимый Другой, США, Китай, легитимация, президент.*

Рассуждения о Значимых Других — внешних по отношению к Нам группах, в диалогическом сопоставлении с которыми формируется коллективная идентичность — играют заметную роль в коммуникации по поводу оправдания и критики текущего политического курса. По видимому, это не случайно. Такие группы (в нашем случае — макрополитические сообщества, «стоящие за» другими государствами) «значимы» не только в качестве потенциальных противников/врагов или партнеров/друзей на международной арене, но и носителей социального или политического опыта, обеспечившего их «успех» и способного служить ориентиром для определения пути развития России. Иными

---

<sup>1</sup> Исследование проводится при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант № 14-03-00490а.

словами, как верно подметил Г.Г. Дилигенский, функция Значимых Других в политическом дискурсе двояка: в их образах следует различать «внешнеполитическую» (прагматическую) составляющую, связанную с состоянием меняющейся внешней среды, в которой существует и развивается российское общество, и «экзистенциальную» составляющую, связанную с проблематикой цивилизационного самоопределения и оценкой пригодности опыта Другого в качестве образца для подражания (Дилигенский 2002: 86-88). Оба аспекта играют важную роль в политических дискуссиях, выступая в качестве предмета консенсуса или разногласий. Вместе с тем, между ними существует очевидная связь, которая теоретически должна была бы побуждать участников политического дискурса к увязыванию этих аспектов образа Другого в разных контекстах. Однако известно, что на практике идеологические позиции политических акторов далеко не всегда последовательны. Обнаруживающиеся в них «неувязки» могут служить ключом к пониманию отношений символической власти, обеспечивающих гегемонию определенных представлений о мировом политическом порядке. Поэтому изучение способов репрезентации Значимых Других в контексте оправдания и оспаривания политического курса не только пополняет наши знания о конструировании коллективных идентичностей, но и позволяет выявить механизмы функционирования последних в политическом контексте. Одновременно такое исследование помогает понять особенности представлений о Значимых Других, разделяемые различными сегментами политических элит и предположительно мотивирующие принимаемые ими решения. Другими словами, практика риторического использования Значимого Другого может рассматриваться как часть символической политики — деятельности, связанной с производством и продвижением различных способов видения социальной реальности (Малинова 2012).

Проблема Другого чаще всего рассматривается в контексте конструирования коллективных идентичностей — прежде всего, национальных/макрополитических и этнических. Это одна из классических проблем теоретической социологии и философии. Вместе с тем, имеется немало количество эмпирических работ, посвященных фактору Другого, написанных в рамках культурной антропологии (Ethnic Groups ... 1969; Said 2003; Grammars...2004 и др.), политической географии (Вульф 2003; Johnson, Coleman 2012), исследований национализма (Triandafyllidou 1998) и международных отношений (Нойманн 2004;

Норф 2002; Морозов 2009; Tekin 2010 и др.). При этом внимание исследователей сосредоточено преимущественно на роли Другого в формировании и изменении представлений о Нас. В меньшей степени изучены механизмы функционирования представлений о Других в качестве одного из факторов, определяющих восприятие социальной действительности и принятие политических решений (более полный обзор см.: Малинова 2015). Представляется интересным, опираясь на исследования формирования образов государств, а также существующие методики выявления дискурсивных стратегий репрезентации Нас и Других, посмотреть, как образы Значимых Других используются в контексте символической борьбы за легитимацию/делегитимацию власти. Предлагаемая схема позволяет эмпирически исследовать связи между внутренней и внешней политикой, способствуя тем самым преодолению издержек «разделения труда», сложившегося в политических науках.

Традиционно в качестве «главного» Значимого Другого для русской/советской/российской идентичности выступал «Запад» (объем данного понятия варьируется в зависимости от контекста; со второй половины XX века США воспринимаются в качестве «главного» представителя «Запада»). Неудивительно, что существует богатая традиция рефлексии отношения России к этому Значимому Другому, внутри которой сложились идеологические водоразделы, до сих пор определяющие структуру российского политического спектра. Однако в этой формуле был и третий элемент — «Восток», в воображении которого российская элита в XIX в. устойчиво следовала европейской парадигме ориентализма (Said 2003). В XX веке «формулы соотнесения» с Западным и Восточным Другим, сложившиеся в предыдущем столетии, неоднократно подвергались пересмотру (Норф 2002: Ch. 3, 4; Лукин 2007). Изменения в международной системе, последовавшие после завершения холодной войны, побуждают к дальнейшей трансформации системы координат, в которой конструируется российская идентичность, и в частности — к переоценке значения Китая. Бурный экономический рост этой страны в последние десятилетия заставляет рассматривать ее не только как пример успешной модернизации по «незападной» модели, но и как возвышающуюся великую державу, которая в перспективе может стать источником угроз для России.

Таким образом, США и Китай могут рассматриваться в качестве Других, значимых для самоопределения российских политических элит, как во «внешнеполитическом», так и в «экзистенциальном» аспек-

те. Данное обстоятельство делает практику использования их образов удобным объектом для анализа дискурсивных эффектов, возникающих при обсуждении текущего политического курса в публичном пространстве, и в частности для анализа дискурсивных стратегий различных политических акторов.

Предлагаемая статья представляет собой результат исследования практики использования образов США и Китая в контексте легитимации политического курса, проведенного на материале выступлений президентов РФ с 2000 по 2015 г. В рассматриваемый период российско-американские и российско-китайские отношения существенно менялись, причем в разных векторах. Если отношения с США переживали взлеты (после террористических атак 11 сентября 2001 г. и в результате «перезагрузки» в 2009-2010 гг., после избрания президентом Б. Обамы) и падения (наиболее значительные — в период «августовской» войны в Грузии и «украинского кризиса 2014-2015 гг.), то сотрудничество с Китаем постепенно развивалось в направлении «стратегического партнерства», которое приобрело для России особую значимость после присоединения Крыма и охлаждения отношений с западными странами. Это обстоятельство дает возможность проследить диалектику экзистенциальной и прагматической составляющей образов Другого.

Поскольку предметом изучения было использование Американского и Китайского Другого во внутривнутриполитическом контексте, материалом для анализа послужили выступления президентов Д.А. Медведева и В.В. Путина на мероприятиях, предполагавших диалог с другими российскими политиками — заседаниях Государственного Совета, встречах с представителями фракций Государственной Думы и непарламентских партий, а также стенограммы «прямых линий» и «больших» ежегодных пресс-конференций В.В. Путина российским СМИ, доступные на сайте «Президент России» (<http://www.kremlin.ru/>). Эти форматы играли важную роль в легитимации текущего политического курса и широко освещались СМИ. Все тексты, отвечающие критерию темы (обсуждение внутренней или внутренней и внешней политики) и формата (диалог, предполагающий спонтанную реакцию), были подвергнуты предварительному контент-анализу, в результате которого были отобраны стенограммы, содержавшие упоминания о США, американских политиках, американцах и/или КНР, китайских политиках, китайцах. Такие отсылки были обнаружены в 58% текстов, отвечающих критериям темы и формата, что свидетельствует о достаточно высокой

востребованности семантического репертуара этих Значимых Других в качестве риторического ресурса. В общей сложности было проанализировано 11 стенограмм, относящихся к первому президентскому сроку В.В. Путина, 12 — ко второму, 16 — датированных периодом президентства Д.А. Медведева и 17 — за первые три года третьего срока В.В. Путина (с мая 2012 по июнь 2015 г.).

Целью анализа было выявить и классифицировать основные фреймы<sup>1</sup> репрезентации Американского и Китайского Другого, а также проследить динамику их использования в указанном контексте.

Анализ фреймов осуществлялся методом качественного контент-анализа, процедура которого состояла из двух этапов. На первом этапе индуктивным путем на основе ограниченной выборки стенограмм был сформирован первоначальный список фреймов, который был затем обобщен на основе пяти критериев: 1) объект(ы) характеристики / оценки (Другой вне прямого сопоставления с Нами, отношение Другого к Нам, Наше отношение к Другому, сравнение Нас и Другого), 2) нормативные основания оценки (нормы, разделяемые Нами и Другим; формально разделяемые, но по-разному интерпретируемые нормы; несогласие с нормами Другого), 3) оценка Другого (позитивная, нейтральная, негативная), 4) установка, исходя из которой производится оценка (ценностная или прагматическая), 5) связь с Нашей безопасностью (негативная, позитивная, отсутствует). В результате был получен список из 25 фреймов (см. табл. 1), на основе которого на втором этапе производилось кодирование основного массива текстов. В качестве единицы анализа выступал связный фрагмент текста, смысл которого соответствует критериям одного из выделенных фреймов. Если разные части одного и того же предложения содержали признаки нескольких фреймов, их кодирование производилось последовательно. Выделенные таким образом фреймы подсчитывались, что позволило сравнивать практику их использования, и анализировались методами дискурс-анализа.

---

<sup>1</sup> Этим термином принято обозначать устойчивые когнитивные структуры, которые обеспечивают метакоммуникативное определение ситуации, задавая смысловые рамки для ее репрезентации и понимания. Апелляция к опыту Другого в контексте легитимации политического курса выполняет ожидаемую функцию за счет сопряжения разделяемых представлений о Другом с конкретными фреймами.

Проделанный нами анализ показывает, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ достаточно активно пользуются, объясняя и обосновывая реализуемый ими политический курс, в том числе и в режиме диалога с другими российскими политиками и рядовыми гражданами. Вместе с тем, имеются очевидные различия в выборе смысловых рамок их репрезентации (см. табл. 1).

Американский Другой упоминается в рассмотренных нами президентских выступлениях почти в 4 раза чаще, чем Китайский (нам удалось выделить 255 связанных фрагментов, посвященных США, американским политикам и американцам и 68 — КНР, китайским политикам и китайцам). По-видимому, это следствие не только значимости США в качестве партнера, но и большей насыщенности репертуара смыслов, связываемых с Американским Другим (для его характеристики применяются все 25 выделенных нами фреймов, тогда как в отношении Китайского Другого — лишь 16). При этом Китайский Другой оценивается более позитивно, нежели Американский (см. рис.1).

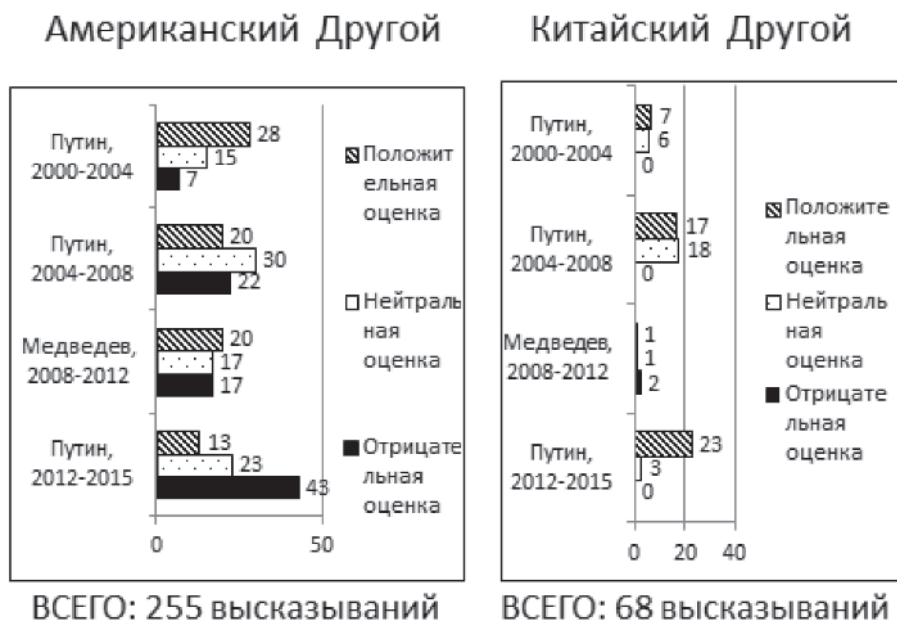


Рис. 1. Репрезентации Американского и Китайского Другого в выступлениях В.В.Путина и Д.А.Медведева (2000-2015 гг.)

Имеются также заметные различия между периодами, которые можно объяснить не только эволюцией отношений с США и КНР, но и персональными особенностями риторики В.В. Путина и Д.А. Медведева. Последний был менее склонен сравнивать Россию с внешними Другими, однако чаще прибегал к сравнениям с отечественным прошлым (См. Malinova 2013: 86). В контексте обоснования собственного политического курса Медведев больше использовал пример США (в положительном или критическом смысле, см. фреймы 1 и 15 в табл. 1), и существенно меньше — пример КНР. Однажды он прямо заявил, что не готов рассматривать китайский опыт как модель для России<sup>1</sup>.

Наш анализ выявил некоторые особенности использования выделенных нами фреймов. Как уже отмечалось, упоминания об Американском Другом в дискуссиях о российской политике гораздо более часты: он систематически представляется в качестве примера, которому стоит следовать (фрейм 1 в табл. 1<sup>2</sup>), а также критерия оценки Нашей практики или достигнутых результатов (фрейм 2 в табл. 1). В случае Китайского Другого эти фреймы встречаются существенно реже. Кроме того, опыт США гораздо чаще представляется в качестве аргумента для оправдания российских политических практик (фрейм 3 в табл. 1). Например, В.В. Путин неоднократно аргументировал необходимость принятия поправок в закон об общественных организациях, обязывающих НКО, которые получают иностранное финансирование, регистрироваться в качестве «иностранных агентов», ссылками на аналогичный американский закон. Во время многочасовой пресс-конференции в декабре 2012 г. он говорил: «В США этот закон действует с 1938 года, и не только действует, потому что он был принят в борьбе с нацистской угрозой, сегодня нет никакого нацизма, а он действует, реально применяется в том числе и к нашим организациям, которые пытаются там

---

<sup>1</sup> В 2010 г., выступая на Ярославском форуме, Медведев сказал: «У нас очень хорошие отношения с Китайской Народной Республикой. Как принято обычно говорить, это отношения стратегического партнёрства. Но у них [КНР] свой путь. Я думаю, что для России этот путь невозможен, и не только сейчас, но он был невозможен и 20 лет назад, когда мы выбирали свою общественную модель, в силу разных причин: исторических, ментальных, экономических. Мы просто не могли пойти по такому пути» (Встреча... 2010).

<sup>2</sup> Характерно, что даже в контексте ухудшения российско-американских отношений этот фрейм продолжает играть заметную роль в президентском дискурсе.

наладить какую-то работу, в Соединённых Штатах Америки. Примеры есть буквально месячной давности. Почему мы такого себе не можем позволить? И что здесь недемократичного?» (Путин 2012а). В этом и других случаях ссылки на опыт Другого служат для подтверждения «нормальности» российских политических практик. Однако США оказываются в этом отношении более удобным объектом соотнесения, нежели Китай. Единственный в нашей выборке случай использования фрейма 3 применительно к китайскому Другому имел место на той же пресс-конференции: возражая своим виртуальным критикам, Путин доказывал преимущества политической стабильности, апеллируя к опыту Китая: «Как бы там ни ругали политическую систему в Китае, а деньги туда идут и прежде всего, потому что там стабильно, потому что инвесторы знают, что они могут рассчитывать, что в ближайшие 5—10—15 лет их деньги не растворятся в результате каких-то политических потрясений, это важнейшее условие стабильности» (Там же). Примечательно, что российский лидер счел нужным оговориться: «Это не значит, что мы должны сделать такую же систему, как в Китае, но стабильность мы должны обеспечить, как обязательное условие развития...» (Там же).

Разумеется, принципы, которых придерживается Американский Другой, систематически подвергаются критике, а его поведение характеризуется как недружественное, несущее угрозу для России (для характеристики Китайского Другого эти фреймы не используются). При этом в плоскости безопасности рассматриваются не только решения США о размещении системы противоракетной обороны в Восточной Европе, но и действия американских властей, которые «не дают нам никакого доступа [к усыновленным российским детям], а ведут себя вызывающе и надменно» и «принимают решения, которые нам кажутся юридически необоснованными в отношении тех, кто, на взгляд наших экспертов, совершил очевидные правонарушения в отношении усыновлённых детей» (Стенографический отчёт... 2012). Напротив, среди упоминаний о Китае можно выделить высказывания, опровергающие якобы исходящие от него угрозы («рост китайской экономики — отнюдь не угроза, а вызов, несущий в себе колоссальный потенциал делового сотрудничества, шанс поймать «китайский ветер» в «паруса» нашей экономики»; «своим поведением на мировой арене Китай не дает повода говорить о его претензиях на доминирование» (Путин 2012b). Таким образом, опираясь на теорию, развиваемую представителями Копенга-



генской школы международных исследований, можно сказать, что в дискурсе об Американском Другом преобладает стратегия секьюритизации, тогда как в репрезентации Китайского Другого очевидно стремление к десекуритизации.

Несмотря на то, что в высказываниях о Китайском Другом преобладают положительные оценки, его «экзистенциальная» функция выражена слабо: хотя В.В. Путин охотно говорит об успехах Китая, он крайне редко репрезентирует его опыт как пример, на который Россия должна равняться. Китай представляется как хороший партнер, разделяющий «наше видение формирующегося равноправного миропорядка» (Там же) — партнер, с которым у нас есть общие интересы. Однако отношение к этому Другому — сугубо прагматическое, оно не окрашено общими ценностями, способными вызывать как искреннюю симпатию, так и ярые споры.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что образы Американского и Китайского Другого — это символический ресурс, которым президенты РФ активно пользуются в контексте легитимации политического курса. Однако их функционал заметно различается. Несмотря на очевидное различие оценок (Китайский Другой чаще упоминается в позитивном смысле, нежели Американский), образ Китайского Другого почти не несет «экзистенциальной» нагрузки. В этой связи нуждается в уточнении на более широком материале вопрос о его статусе Значимого Другого для России. В его репрезентации активно используется стратегия десекуритизации. Напротив, Американский Другой, несмотря на то, что он часто представляется с негативной оценкой и в качестве угрозы Нашей безопасности, сохраняет значительный «экзистенциальный» потенциал.

Таблица 1

**Фреймы репрезентации Американского и Китайского Другого  
в риторике президентов РФ, 2000-2015 гг.**

№	Фрейм	Выступления В.В. Путина, 2000-2004		Выступления В.В. Путина, 2004-2008		Выступления Д.А. Медведева, 2008-2012		Выступления В.В. Путина, 2012-июнь 2015		Всего	
		Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой	Американский Другой	Китайский Другой
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
1	Другой как пример, которому стоит следовать	–	–	–	1	9	–	3	–	12	1
2	Сравнение с Другим как способ оценки Нас	3	–	12	5	4	1	9	1	28	7
3	Опыт Другого как оправдание нашей практики	3	–	3	–	6	–	5	1	17	1
4	Позитивная оценка отношения Другого к Нам	5	–	1	2	1	–	–	2	7	4

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
5	Одобрение поведения Другого / Другой разделяет Наши ценности и принципы	1	–	1	2	1	–	5	2	8	4
6	Установка на сотрудничество с Другим / Характеристика Другого как партнера	12	8	16	10	5	1	6	10	39	28
7	Мы считаем Другого другом	2	1	–	–	–	–	–	2	2	2
8	Личное отношение к Другому / цитирование Другого	5	1	3	–	2	–	–	–	10	1
9	Мы понимаем позицию Другого / признаем объективность его проблем	5	–	1	–	1	–	–	1	7	1
10	Другой в действительности не несет угрозы	–	1	–	–	1	–	1	1	2	1
11	Совпадение интересов / позиций	4	–	1	–	–	–	1	3	6	3
12	Другой – наш конкурент	–	1	–	2	1	–	1	2	2	5
13	Мы не считаем Другого врагом	1	–	3	–	–	–	–	–	4	–

Продолжение таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
14	Констатация различия позиций / несовпадения интересов	3	1	5	–	2	–	–	–	10	1
15	Автономия от Другого / Акцент на различия	1	–	2	1	7	–	3	1	13	2
16	Утверждение равенства с Другим / подтверждение значимости Нас и Другого	–	–	4	1	1	1	1	1	6	3
17	Доказательство Нашей правоты в споре с Другим	2	–	–	–	–	–	2	–	4	–
18	Асимметричность отношений: Мы больше расположены к сотрудничеству, чем Другой	1	–	–	–	–	–	3	–	4	–
19	Воспроизводство отрицательных стереотипов о Другом	–	–	–	1	2	–	–	–	2	1
20	Критика Другого	2	–	3	–	8	–	16	–	29	–
21	Другой применяет в отношении Нас двойные стандарты / Не следует декларируемым им принципам	1	–	4	–	–	–	6	–	11	–

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
22	Нормативный конфликт: Другой нарушает нормы, которые Мы считаем правиль- ными / Нормы Другого для Нас неприемлемы	1	–	5	–	1	–	1	–	8	–
23	Другой как угроза Нашей безопасности	–	–	–	–	1	–	4	–	5	–
24	Другой относится к Нам недружественно / не так, как мы этого заслуживаем	–	–	6	–	2	–	9	–	17	–
25	Недоверие Другому	–	–	–	–	–	–	2	–	2	–
	Всего	52	13	70	25	55	3	78	27	255	68

## ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

Встреча с ведущими российскими и зарубежными политологами // Портал «Президент России». Опубликовано 10.09.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8882> (дата обращения: 07.10.2015).

*Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

*Дилигенский Г.Г.* Хочет ли Россия дружить с Западом? // Запад и западные ценности в российском общественном сознании. М.: ИМЭМО РАН, 2002.

*Лукин А.В.* Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII—XXI веках. М.: Восток-Запад : АСТ, 2007.

*Малинова О.Ю.* Концепт «Другого» в исследованиях идентичности: Анализ современных дискуссий // Политическая наука. 2015. № 4 (в печати).

*Малинова О.Ю.* Символическая политика: Контуры проблемного поля // Символическая политика: Сб. науч. тр. / Отв. ред.: Малинова О. Ю. Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. М.: ИНИОН РАН. Центр социал. науч.- информ. исслед. отд. полит. науки, 2012. С. 5-16.

*Морозов В.* Россия и Другие: идентичность и границы политического сообщества. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

*Нойманн И.* Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

*Путин В.В.* (а) Пресс-конференция Владимира Путина. // Портал «Президент России». Опубликовано 20.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/news/17173> (дата обращения: 07.10.2015).

*Путин В.В.* (б) Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г. URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (дата обращения: 07.10.2015).

Стенографический отчёт о заседании Государственного совета. 2012. 27 декабря // Портал «Президент России». Опубликовано 27.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17232> (доступно 07.10.2015).

Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference, F. Barth (ed.) L. etc.: George Allen & Unwin, 1969.

Grammars of Identity/Alterity: A Structural Approach, Gerd Baumann and Andre Gingrich (ed.) New York etc.: Berghahn Books, 2004.

*Hopf T.* Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

*Johnson C., Coleman A.* The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity, Annals of the Association of American Geographer, 2012, 102 (4), pp. 863-880.

*Malinova O.* Russia and “the West” in the 2000s: Redefining Russian Identity in the Official Political Discourse, in: Russia’s Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013, pp. 73-90.

*Said E.* Orientalism. L.: Penguin Books, 2003 [1977].

*Tekin B.C.* Representations and Othering in Discourse: The Construction of Turkey in the EU context. Amsterdam etc.: John Benjamins Publishing Company, 2010.

*Triandafyllidou A.* National identity and the 'other', *Ethnic and Racial Studies*, 1998, 21(4), pp. 593-612.

## REFERENCES

*Diligenskiy G.G.* Hochet li Rossiya druzhit s Zapadom? // Zapad i zapadnyie tsennosti v rossiyskom obschestvennom soznanii [*Diligenskiy G.G.* Does Russia want to be friends with the West? in: *West and Western values in the Russian public consciousness*], Moscow, IMEMO RAN, 2002 (in Russian).

*Ethnic Groups and Boundaries. The Social Organization of Cultural Difference*, F. Barth (ed.) L. etc.: George Allen & Unwin, 1969.

*Grammars of Identity/Alterity: A Structural Approach*, Gerd Baumann and Andre Gingrich (ed.) New York etc.: Berghahn Books, 2004.

Hopf T. *Social Construction of International Politics: Identities and Foreign Policies, Moscow, 1955 and 1999*. Ithaca: Cornell University Press, 2002.

Johnson C., Coleman A. The Internal Other: Exploring the Dialectical Relationship Between Regional Exclusion and the Construction of National Identity, *Annals of the Association of American Geographer*, 2012, 102 (4), pp. 863-880.

*Lukin A.V.* Medved nablyudaet za drakonom. Obraz Kitaya v Rossii v XVII—XXI vekah [*Lukin A.V.* Bear watching dragon. The image of China in Russia in XVII-XXI centuries], M.: Vostok-Zapad : AST, 2007 (in Russian).

*Malinova O.* Russia and "the West" in the 2000s: Redefining Russian Identity in the Official Political Discourse, in: *Russia's Identity in International Relations: Images, Perceptions, Misperceptions*, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013.

*Malinova O.Yu.* Kontsept «Drugogo» v issledovaniyah identichnosti: Analiz sovremennyih diskussiy // Politicheskaya nauka [*Malinova O.Yu.* The concept of "the Other" in identity studies: analysis of the current discussions, *Political science*], 2015(4) (in print) (in Russian).

*Malinova O.Yu.* Simvolicheskaya politika: Konturyi problemnogo polya // Simvolicheskaya politika: Sb. nauch. tr. / Otv. red.: Malinova O. Yu. Vyip. 1: Konstruirovaniye predstavleniy o proshlom kak vlastnyiy resurs [*Malinova O.Yu.* Symbolic politics: The contours of the problem field, in: *Symbolic policy: Collection of scientific papers*, ed by Malinova O. Yu. Vol. 1: Construction of the representations of the past as a power resource], M.: INION RAN. Tsentr sotsial. nauch.- inform. issled. otd. polit. nauki, 2012, pp. 5-16 (in Russian).

*Morozov V.* Rossiya i Drugie: identichnost i granitsyi politicheskogo soobschestva [*Morozov V.* Russia and Other: identity and boundaries of the political community], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2009 (in Russian).

*Noymann I.* Ispolzovanie «Drugogo». Obrazyi Vostoka v formirovaniie evropeyskih identichnostey [*Neumann I.* The use of "Other". Images of the East in shaping European identities], M.: Novoe izdatelstvo, 2004 (in Russian).

*Perceptions, Misperceptions*, ed. by R. Taras. L., etc.: Routledge, 2013, pp. 73-90.

*Putin V.V.* (a) Press-konferentsiya Vladimira Putina. [*Putin V.V.* (a) Press conference of Vladimir Putin], Portal “The Russian president.” Published on 20.12.2012. URL: <http://kremlin.ru/news/17173> (available 10/07/2015) (in Russian).

*Putin V.V.* (b) Rossiya i menyayuschiy mir [Putin V.V. (b) Russia and the changing world], *Moskovskie novosti*. February 27, 2012 URL: <http://mn.ru/politics/20120227/312306749.html> (available 10/07/2015) (in Russian).

*Said E.* *Orientalism*. L.: Penguin Books, 2003 [1977].

Stenograficheskij otchyot o zasedanii Gosudarstvennogo soveta. 2012. 27 dekabrya [Stenographic report of the meeting of the State Council. December 27, 2012] // Portal “The Russian president.” Published on 27.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17232> (available 10/07/2015) (in Russian).

*Tekin B.C.* *Representations and Othering in Discourse: The Construction of Turkey in the EU context*. Amsterdam etc.: John Benjamins Publishing Company, 2010.

*Triandafyllidou A.* National identity and the ‘other’, *Ethnic and Racial Studies*, 1998, 21(4), pp. 593-612.

Vstrecha s veduschimi rossiyskimi i zarubezhnyimi politologami // Portal «Prezident Rossii» [Meeting with leading Russian and foreign political analysts // Portal “The Russian president.”], Published on 10.09.2010. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/8882> (available 07.10.2015) (in Russian).

*Vulf L.* *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: Karta tsivilizatsii v soznanii epohi Prosvescheniya* [*Vulf L.* *Inventing Eastern Europe: Map of civilization in the minds of the Enlightenment*], M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2003 (in Russian).